

ВАЛДЕМАР ЛЮФТ

МЕЖДУ...

РОМАН

Валдемар Люфт
Между... Роман

«Издательские решения»

Люфт В.

Между... Роман / В. Люфт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937489-9

Степан Захаров перед самой кончиной воспитавшего его отца узнаёт, что он по национальности вовсе не русский, как всегда считал, а... немец, сын германского военнопленного и российской немки. Первая часть романа построена на драматической коллизии поиска своего прошлого, своих генетических корней. После переезда в Германию Степан продолжает поиски родных своего отца. Поиски приводят его в дом дяди, где он узнаёт, что отец был богат, и это богатство должно теперь принадлежать Степану Захарову.

ISBN 978-5-44-937489-9

© Люфт В.
© Издательские решения

Между...

Роман

Валдемар Люфт

© Валдемар Люфт, 2019

ISBN 978-5-4493-7489-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— 1 —

Весна на юге Казахстана неповторима по своей красоте. Если зима была тёплая, то уже в конце февраля и в начале марта начинает цвести урюк. Голые, ещё не успевшие покрыться зелёной листвой деревья покрываются розовато-белыми цветочками. Аромат цветочной пыльцы витает в прохладном ещё воздухе и тревожит сознание предчувствием чего-то прекрасного. После первой грозы природа вдруг просыпается. Набухшие и ждущие сигнала почки выстреливают листочками. Тополиные листья выходят из почек, как будто выкручиваясь спиралью из них. Их тёмно-зеленые коконы, постепенно разворачиваясь, образуют на своей поверхности тончайший слой смолистого вещества, и если вырвать этот рвущийся к свободе листок из своего основания и раздавить пальцами, то на них останется долго не смываемый запах тополя. Этот запах можно услышать только в это раннее весеннее время. Позже, когда листья сформируются, исчезнет этот смолистый слой и запах листьев будет уже не тот волнуемый и свежий. Листья карагача разворачиваются сразу и подставляют свою ребристую поверхность лучам солнца. Но листьев ещё мало, и поэтому дерево выглядит бедно и серо и вызывает чувство какой-то незавершённости. Акация вместе с тоненькими листочками выпускает на своих ветках небольшие полузакрученные усики, которые через несколько дней покроются мелкими цветочками. При желании эти цветущие гроздья акации можно сорвать и, отделив цветы от зелёного основания, скушать. Сладковато-медовым вкусом цветов акации особенно любят наслаждаться дети. Но настоящее буйство весны начинается тогда, когда расцветают яблоневые сады и сирень в палисадниках. В это время заботливые хозяева начинают копать огороды, идёт вспашка полей на колхозных и совхозных угодьях. Запах сырой земли, смешиваясь с запахом цветов, создаёт тот самый неповторимый эликсир любви, который зовёт на улицу, от которого кружится голова и от которого влюбляешься с первого взгляда и на всю жизнь.

В один из таких весенних дней доцент Захаров задержался на работе. Он ехал домой на «жигулях» и поругивал зазевавшихся водителей или выскочивших перед машиной пешеходов. Опять жена будет недовольна, что муж не успел к ужину. Захаров особенно голоден не был. Обедал в столовой университета. Он представил себе лицо жены, как подрагивает её левая ноздря, когда старается казаться обиженной, как она пытается быть серьёзной, но в глазах будет плясать оставшийся с детства огонёк озорства. Конечно, по-настоящему она ругаться не будет. Упрекнёт за задержку, помолчит минут пять, может быть, десять, и снова превратится в заботливую, любящую и всепрощающую жену.

Думать о жене Захарову было всегда приятно. Какая-то нежность разливалась сразу по телу, и напряженные мысли начинали успокаиваться. А ещё приятней становилось на душе, когда вместе с женой на память приходила десятилетняя дочка. Хорошо приехать домой, войти в квартиру, увидеть радостные глаза дочери, поцеловать жену, узнать от неё последние новости о работе, о родне, слушать рассказ дочери о проведённом дне.

Захаров завернул в знакомый переулок, где в высотном доме на третьем этаже была его квартира. Город готовился к празднику. Уже прошёл всесоюзный субботник, который превратился из Ленинского в дополнительный бесплатный рабочий день, заканчивающийся, как после любой полочки, грандиозной пьянкой. Уже висели повсюду красные транспаранты с дежурными лозунгами. Правда, плакатов с текстом «Слава КПСС» и портретов «вождей» стало меньше, зато куда ни помотришь, везде натыкаешься на ставшие модными слова «гласность» и «перестройка». Как обычно, перед праздниками велась тотальная чистка. Скверы очистили от опавшей листвы и остатков зимнего мусора. Мусоровозы работали в две смены. С метлами выгнали на улицу школьников, врачей, чиновников и академиков. В учреждениях, в управлениях крупных заводов шли непрерывные совещания. Надо было согласовать графики дежурств во время праздничных дней, освежить фасады и наглядную агитацию, согласовать списки участников демонстрации и выписать им пропуска на центральную площадь. Праздники проводились каждый год, но всегда перед ними наступал аврал, как будто о надвигающемся празднике до этого никто не знал.

В квартире было тихо. Из кухни был слышен шум бегущей из крана воды. Выглянула жена. Она приветливо улыбнулась, но глаза были красными и в них сквозила озабоченность. Степан переоделся в спальне и прошёл в зал. Дочь сидела у мольберта и наносила кистью широкие мазки акварельной краски на плотный картон. Ей было десять лет, и она занималась в студии, куда попасть можно было только по большому благу и где преподавали технику живописи известные преподаватели и художники. Устроил её в студию отец Степана, работавший до прошлого года в областном комитете. На радость родителям дочь оказалась талантливой, занималась в студии с охотой, и теперь уже не нужен был блат, чтобы девочка могла дальше получать уроки лучших мастеров.

Степан чмокнул дочь в щеку, постоял рядом, молча наблюдая, как на картоне появляются пока чуть узнаваемые очертания тополиной аллеи, серо-голубого утреннего неба, песчаной дороги, уходящей к горизонту, еле заметные блики выходящего из-за холмов солнца. Картина была ещё не закончена, но уже вызвала смутные ощущения прихода чего-то прекрасного. Так чувствуешь себя, когда, выспавшись, проснёшься утром и увидишь в окно ясное голубое небо, ветки деревьев с только что распутившимися листочками, лучи солнца, пробивающиеся сквозь зелень, и озорной солнечный зайчик, суетливо бегающий по стене и по мебели.

В кухне на столе уже стояла разогретая еда. Жена сидела у окна и задумчиво смотрела в окно. Напротив светились окна соседних домов. У одного из подъездов мигал фонарь, собираясь, по-видимому, совсем потухнуть. Чуть слышен был шум работающего лифта, усердно поднимавшего клетку, наполненную людьми.

– Вера, ты что такая грустная? – спросил Степан, усаживаясь за стол.

– Письмо пришло от мамы.

– Ну. Из-за этого ты так расстроилась?!

Жена приложила руки к вискам, как будто успокаивая надвигающуюся боль. Глаза стали влажными.

– Уезжают они, Стёпа! В Германию уезжают. Одна я останусь теперь.

– Почему одна? А мы?! У тебя есть Надя, есть я. Мои родители тоже недалеко. У нас есть друзья, коллеги. Ты одна не остаёшься.

– Нет. Я не об этом. Почти вся родня уезжает. Когда ещё маму увижу? Боже мой! Они же в чужую страну едут.

Она заплакала. Степан отложил вилку, развернулся к жене, взял её за талию и притянул к себе. На ней был ситцевый халат, и через тонкую материю чувствовалось тепло её тела. Вера положила руки на его шею и заплакала.

– Ну что ты? Германия от Москвы два часа лёту. Будешь с Надюшей к ним в гости летать или они к нам. Успокойся.

Степан успокаивал жену, но в душе разрасталось беспокойство. Конечно же, это не просто расставаться с родными, которых привычно видишь два-три раза в году, к которым можно запросто в любое время собраться и поехать в гости и которые сами могут также нагрянуть на какой-нибудь праздник или день рождения. Как перенесёт жена эту разлуку? Да и дочка с радостью ездила к бабушке с бабушкой в деревню. Последние два года все каникулы проводила у них. Сумеют ли они так часто летать в Германию. Заграница. Нужны визы, загранпаспорта. Оставался бы отец ещё на своей должности, не было бы проблем. Но теперь он на пенсии, и прежние связи и знакомства уже не срабатывали так, как раньше. Кто знает, что будет дальше. Куда повернёт перестройка? Больше свободы и демократии или, как это обычно бывало на Руси, побалуется свободой, и опять всё встанет на свои места. Границы закроют, придумают врагов, против которых надо будет бороться и ради чего надо будет потуже затянуть пояса. Опять родные окажутся по разные стороны границы и, может быть, не увидятся уже никогда.

Вечер прошёл в тягостных раздумьях. Каждый замкнулся в своих мыслях. До отъезда родителей было ещё далеко. У Веры было достаточно времени все обдумать и привыкнуть к мысли о разлуке. Тем более что она знала о том, что её родители давно добиваются разрешения на выезд в Германию. О переезде своей семьи за границу она даже не думала. Муж русский. Хорошая работа в университете, она сама неплохо устроена. Дочка делает успехи и в школе, и в художественной студии.

Утром Степану не нужно было в институт. Жена ушла на работу, дочь в школу, и он лежал в постели, наслаждаясь тишиной и наблюдая, как солнце всё сильнее и сильнее наполняет комнату светом. Вдруг раздался телефонный звонок.

– Степан, отцу плохо! Я скорую вызвала. Приезжай. Я боюсь.

Голос матери звучал тревожно и испуганно.

Степан, одеваясь на ходу, выскочил на улицу, за две минуты добежал до кооперативных гаражей, выгнал машину и поехал к главной улице. К родителям нужно было ехать через весь город. К началу рабочего дня, в час пик, движение постоянно стопорилось. Хорошо зная город, Степан пару раз срезал углы, дважды проехал по узким пустым переулкам и только через сорок минут оказался в районе частной застройки. Большой дом родителей стоял на тихой, далекой от городского шума улице. Окраина города, и недалеко уже видны горы. Воздух здесь был намного чище, чем внизу в городе. Степан открыл своим ключом калитку и дверь в дом. В доме никого не было. В спальне родителей койка стояла разобранной. В кухне на столе стоял недопитый чай в гранёном стакане. Везде царил беспорядок. Выйдя на улицу, Степан прошёл к низкому забору, отделявшему усадьбу родителей от соседней. Кто-то возился в летней кухне. Степан крикнул:

– Геннадий Сергеевич!

Из дверей кухни вышел невысокого роста пожилой человек. Он был одет в поношенные брюки и выцветшую до непонятного цвета майку.

– Вы не знаете, где родители?

– У твоего отца, по-видимому, инфаркт. Минут десять, как скорая отъехала. В центральную больницу повезли. Валентина Андреевна тоже с ними уехала.

Степан закрыл дом и поехал в больницу.

Мать сидела в коридоре перед палатой. Из палаты доносился приглушенный шум голосов.

– Проверяют. По всей видимости, у него инфаркт, – промокая слёзы платочком, проговорила мать.

Степан хотел войти в палату, но мать придержала его за руку.

– Просили не беспокоить, пока полностью не обследуют.

Он сел на пластмассовый стул возле матери и прикрыл глаза. Своего отца Степан любил. Отец был в меру строг, сдержан в своих чувствах, раньше большей частью занятый на работе, он всё свободное время отдавал сыну. Работал он в обкоме, имел большие связи, и благодаря этому Степан без проблем поступил в университет, остался там же после учебы работать, защитил кандидатскую, стал доцентом. Отец помог и с кооперативной квартирой. Степан воспринимал помощь отца как должное. Разве мало было вокруг людей, которые умело использовали свои должности. Люди давно примирились с этим и даже тех, кто не мог использовать своё особое положение в своих целях, считали ненормальными. Поэтому и у Степана никогда не возникали вопросы: откуда богатство в доме, на какие средства куплена новая машина, почему они могут себе позволить два раза в год ездить в отпуск на море, как так получилось, что некоторые стоят годами в очереди на кооперативную квартиру, а он получил её в течение года, да ещё в самом престижном районе города, почему он остался после учёбы работать в университете и почему его карьера была так успешна? Степан об этом даже не задумывался, и если где-то в подсознании появлялась какая-нибудь вредная мысль, спрашивающая о совести, она вычеркивалась как ненужный балласт. Поэтому у отца и сына никогда не было конфликта, оба пользовались тем, что давала им жизнь и система, в полной мере. Только однажды между отцом и сыном возникло недоразумение. Степан привёл знакомить к родителям свою невесту. Узнав, что невестка немка, отец и мать вдруг замкнулись в себе и, проводив невесту, стали отговаривать сына от женитьбы. Это был первый случай, когда Степан послушался отца. Он женился. Профсоюзная организация университета помогла с комнатой в семейном общежитии, хотя в доме у родителей было достаточно места. Но уже через год, когда родилась дочка, это недоразумение исчезло. Отец примирился с невесткой-немкой. Только мать продолжала настороженно относиться к ней. Скорее всего, считал Степан, из материнской ревности. Два года назад отца отправили на пенсию. Это произошло сразу после начала перестройки. Отец очень переживал, что его так беспардонно и неожиданно вывели на покой. Тогда у него и произошёл первый инфаркт. И вот теперь снова...

Из палаты вышли врачи. Отец лежал на больничной койке весь обвешанный шлангами и кабелями. Справа от него стоял аппарат, на экране которого импульсивно пробегала зигзагообразная линия. Её скачок вниз и вверх посередине экрана сопровождался тонким и резким звуком, вызывающим в душе тревогу. Лицо отца было бледным, и руки безжизненно лежали поверх одеяла.

Сестра поправила пару проводов, идущих от груди отца к аппарату, и вышла. Мать подошла к нему, легонько и участливо погладила его руку. Он открыл глаза и устало посмотрел на неё.

– Валя, что со мной?

– У тебя инфаркт, Саша. Теперь всё позади. Хорошо, что я дома была и скорая вовремя приехала.

Отец улыбнулся и прикрыл глаза. Так лежал он минуты две, потом открыл глаза, нашёл стоящего за матерью Степана и сказал:

– Что сказал врач? Долго я ещё протяну?

– Отец, всё будет в порядке. Не забивай себе голову. Лежи, отдыхай и не расстраивайся.

Степан пытался выглядеть спокойным и уверенным, хотя в душе росло ожидание чего-то неприятного и даже ужасного. Когда после долгого консилиума доктора вышли из палаты, заведующий отделением подошёл к Степану и его матери и сказал, что у больного обширный инфаркт. Сердечные клапана работают с перебоями и могут в любой момент выйти из ритма – и тогда неминуемая смерть. Сердце больного изношено, и даже перевозить его из палаты опасно. Врач дал понять, что в таком состоянии больные долго не выдерживают. Каждый час и даже каждую минуту могло произойти непоправимое. Степан, обойдя мать, подошёл ближе к отцу, ободряюще улыбнулся ему и взял его ладонь в свою руку. На тыльной стороне ладони

четко виднелись синие жилы, и Степану казалось, что кровь по ним бежит с трудом, и он чувствовал даже, как кровь со скрежетом пробивает себе дорогу к уставшему сердцу. Мелькнуло в голове, что было бы хорошо своим прикосновением заставить ритмично работать отцовское сердце, освободить вены от накопившегося шлака, добавить своей крови и через пару часов забрать его здоровым из больницы. Отец слегка пошевелил пальцами.

– Прости меня, Степан.

– Папа, за что ты просишь прощения?

– Я знаю, за что...

Голос отца звучал слабо и виновато. Степан не мог вспомнить, когда отец мог его чем-то обидеть. Может быть, он вспомнил то время, когда Степан без благословения родителей женился. Так это было давно.

– Саша, ты что надумал?! Не надо об этом!

Мать испуганно смотрела на отца. Она прижала кулаки к груди, и в глазах её накапливалась влага.

– Выйди, Валя.

Отец сказал эти слова отчётливо и решительно.

– Не надо, я прошу тебя!

– Выйди!

Отец с трудом выдавливал из себя слова, и каждое слово забирало у него кусочек жизни. Мать поднесла двумя руками развёрнутый платочек к глазам и, мелко всхлипывая, виновато пошла к дверям. Отец вынул ладонь из рук Степана и, слабо махнув ею, сказал:

– Сядь, сынок.

Степан взял стоявший у окна стул и сел. Он никогда не видел ещё отца таким слабым и беспомощным. Щемящее чувство тоски овладевало им. Отец был взволнован, и это нагнетало ещё большее беспокойство.

– Степан, я, наверное, долго не выдержу.

– Да что ты, папа.

– Молчи, сынок, не перебивай... Я должен тебе успеть сказать что-то очень важное.

Отец закрыл глаза и минуты три лежал неподвижно. Дыхание его было неглубоким и прерывистым. Ладони, лежащие на одеяле, мелко подрагивали. Он открыл глаза и усталым взглядом посмотрел на сына.

– Сынок, у тебя были другие отец и мать... Ты не наш родной сын.

– Папа, тебе вредно волноваться. Помолчи.

До Степана не дошёл ещё смысл сказанных слов.

– Твоя настоящая мать – немка, а отец – немецкий военнопленный.

Наконец до Степана стало доходить, о чём говорит ему отец.

– Папа, ты бредишь. Я же твой сын. Перестань говорить и успокойся. Тебе нельзя сейчас волноваться.

Он видел, как участилось неритмичное дыхание отца, глаза закатились и рука начала нервно шарить по груди, как будто пытаясь расстегнуть пуговицу на рубаше. Степан надавил на кнопку, вызывая сестру. Медсестра и врач пришли сразу же. Врач беспокойно смотрел на неравномерно пульсирующую кривую на экране медицинского аппарата и сказал Степану:

– Выйдите, пожалуйста.

Мать стояла у окна. Мокрый платок был зажат в кулаке, и лицо было влажным от слёз. Она была одета в полупрозрачную блузку, в которой обычно ходила дома. Шов наспех надетой шерстяной юбки был сдвинут на сторону, но мать этого не замечала.

– Что он тебе сказал? – с тревогой спросила она.

– Так, бредил, наверное, – ответил Степан и уставился в окно.

На улице светило солнце и жаркий день набирал свою силу. Далеко, в мутном мареве, виднелись горы. По улице проехала машина и скрылась за поворотом. Где-то в отделении настойчиво звонил телефон. По коридору торопливо прошёл ещё один врач и скрылся в палате отца. Оттуда вышел заведующий отделением, виновато улыбнулся родным больного и ушёл к своему кабинету. Когда он снова появился в коридоре, Степан сделал два шага ему навстречу и спросил:

– Доктор, есть надежда?

– Мы делаем всё возможное. Я вызвал профессора. Больной находится в крайне критическом состоянии.

В коридор вошёл пожилой мужчина в белом халате.

– Профессор, сюда, в эту палату, – крикнул ему заведующий отделением.

Потянулись минуты ожидания. О том, что говорил ему отец, Степан сейчас не думал. Слова отца прошли мимо, толком не задев его. Только в глубине памяти свербели беспокойные мысли: «Что за бред нес отец? О чём это он? И зачем?..»

Степан подошёл к матери. Та развернулась от окна, обняла сына и, утопив лицо в его груди, вздрагивая слегка плечами, заплакала.

– Успокойся, мама. Даст бог, выздоровеет.

– Что я буду без него делать, Стёпа. Мы всю жизнь были вместе. Я долго без него не протяну...

– Мам, ну что ты, отец ещё живой. Да и мы у тебя есть. Я, Вера, Надюша. Ты же не одна!

Дверь палаты широко раскрылась. Из палаты одновременно вышли все врачи. Санитар и медсестра катили кровать с больным. Профессор и заведующий отделением подошли к родным больного.

– Мы приняли решение оперировать больного, – сказал профессор. – Поставим ему искусственный клапан. Риск большой, но так оставлять – риск ещё больше.

Пока готовили отца к операции, Степан успел позвонить жене и на работу. Жена приехала через полчаса на такси. Операция только что началась, и все трое сидели в коридоре и с напряжением ждали вестей из операционной. Отец умер на операционном столе через час после начала операции. Больное сердце остановилось, и никакие усилия врачей не могли заставить его вновь начать свою вечную работу. Хирург и ассистирующий ему профессор вышли из операционной, когда уже никаких надежд на восстановление работы сердца не осталось и был отключен последний аппарат, поддерживающий жизнь в умершем теле. Увидев их скорбные лица, заголосила мать.

– Сашенька, боже мой, Сашенька, как я без тебя!.. – истерично кричала мать, прислонившись лбом к стене.

Степан, сдерживая слёзы, обнял мать, к нему прислонилась всхлипывающая жена. Так стояли они минут пять. Наконец мать успокоилась, вытерла мокрым платком глаза и сказала:

– Да... Ничего не сделаешь.

Она села на стул. Рядом с нею присела жена Степана. Теперь они не плакали, и говорить было не о чём и незачем. Степан пошел к главному врачу узнать, когда можно будет забрать тело для похорон. Из его кабинета позвонил на работу и взял отпуск на неделю.

Неделя отпуска прошла в заботах. Захаров был всё время занят. Надо было забрать тело из больницы, перед этим заказать гроб, договориться с помещением, где можно было бы выставить тело. Для поминок сняли ресторан недалеко от кладбища. О смерти Захарова Александра Веняминовича дали объявление в газету. В том же номере была напечатана большая статья о бывшем партийном работнике обкома. Мать тоже требовала постоянного внимания. Степану пришлось несколько раз ночевать в доме родителей, чтобы не оставлять мать одну. Она вдруг постарела и осунулась лицом, перестала пользоваться любимой помадой и кремами для лица, забывала завтракать и обедать и могла часами сидеть в зале на кресле, ничего не делая. Решили

сразу после похорон временно переселиться в родительский дом. Жена делала это не очень охотно, дочке тоже было далеко ехать до школы, но чтобы не оставлять хотя бы на первых порах мать одну, пошли на этот шаг.

Степан был рад, когда в конце концов похороны остались позади, разъехались гости и наступили снова привычные и будничные дни. Всю неделю у него не было времени поговорить с женой. Как правило, усталый, он засыпал сразу, неважно где, в своей квартире или в доме родителей, спал, ни разу не просыпаясь до утра, проснувшись, готовил завтрак, и снова начиналась дневная карусель. О последних словах отца Степан в эти дни не вспоминал.

Прошло несколько дней после похорон. Жизнь входила в свою колею. Мать постепенно приходила в себя. Она отвлекала себя работой по дому, вознёй в огороде. Была в разгаре весна, и надо было высаживать помидорную рассаду, подпушивать только что вышедшие кустики картошки, поливать всходы овощей. Когда Вера приезжала с работы, ей не надо было что-то делать по дому или варить ужин, всё было убрано и сварено. За эти несколько дней жизни под одной крышей годами сохранявшееся недоверие друг к другу стало исчезать между ними. Пропала натянутость в отношениях, и вдруг им нашлось о чём друг с другом говорить. Степана всегда тяготило холодное отношение матери к снохе. Понять причину он не мог, считал, что это просто материнская ревность, и теперь, видя, как они вдруг доверительно стали говорить друг с другом, как исчезло отчуждение между ними, искренне радовался этому.

Наконец мать вышла на работу и вечером за ужином заявила, что теперь Степан с семьёй могут вернуться в свою квартиру.

– Я справлюсь сама. Да и телефон есть, могу позвонить.

– Может быть, тебе продать дом да переехать к нам, мама? – спросил Степан. – Комнату освободим. До твоей работы от нас ближе. Не надо будет через весь город на автобусах мотаться.

– Спасибо, Степа, но пока я ещё в силах, поживу одна. Подумайте, может быть, заберёте «волгу», а свои «жигули» продадите. У меня всё равно прав нет. Что ей без толку в гараже стоять?

– Мы посмотрим, мама. Торопиться не будем. Вон, Вера хочет на права сдавать. Пусть когда получит права, на «жигулях» ездит. Тогда, если не передумаешь, заберём «волгу».

На следующий день после работы Степан заехал к матери. Надо было забрать кое-какие личные вещи. Дочь забыла свой мольберт и книгу. Мать была уже дома. Она стояла в дверях зала и наблюдала, как сын складывал вещи в большую спортивную сумку.

– Ужинать хочешь?

– Спасибо, мама, дома наверняка Вера уже что-нибудь приготовила.

– Почему ты ничего не спрашиваешь у меня?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь, о чём я спрашиваю. Это о том, что тебе отец перед смертью сказал.

– Я ещё не думал об этом. Честно говоря, времени не было поразмыслить... А что, я действительно не ваш родной сын?

– Да...

Она ответила сразу, как будто торопясь избавиться от чего-то. И тут же испуганно замолчала, вопросительно глядя на сына. Степан тоже молчал, внутренне переваривая ответ матери и вспоминая последние слова отца. Только сейчас он начал осознанно понимать, о чём шла речь.

– Почему раньше мне никто об этом не говорил? – после затянувшейся паузы спросил Степан.

– А нужно ли было говорить?

– Зачем же сейчас, когда мне уже за тридцать, сказали об этом?

– Этого хотел отец. Он давно решил с тобой об этом поговорить. Но никак не осмелился. Надо было, наверное, ещё в детстве тебе сказать о том, что ты приёмный сын.

Степан видел, как тяготится мать этим разговором, но ему вдруг захотелось до конца узнать, кто он на самом деле, кто его настоящие родители.

– Ты знала моих родителей?

– Да.

– Кто они были?

– Их давно нет в живых, и я не хочу об этом говорить, – она проговорила эти слова, и в них чувствовались неуверенность и фальшь.

– Отец сказал, что они были немцы. Это, правда?

– Да.

– Почему у меня в свидетельстве о рождении стоит, что я русский?

– Там и мы записаны родителями. Время такое было. Разве работал бы отец на партийных должностях, воспитывая немецкого ребёнка.

Степан встал с дивана и поднял с пола наполовину заполненную сумку. Мать подошла к нему и обняла сына.

– Сынок, не вини нас. Мы же хотели как лучше, – проговорила она взволнованным голосом.

Сын прижал её свободной рукой к себе.

– Успокойся, мама, я твой сын. Лучше мамы, чем ты, нет на всём белом свете.

Он хотел ещё о многом расспросить её, но чувствовал, что сейчас этот разговор лучше не продолжать. Мать расстроилась, в её глазах стояли слёзы, и после всех волнений последних недель её физическое и моральное состояние было на пределе.

– Мне надо ехать, мама. Как-нибудь попозже расскажешь мне о моих родителях. Хорошо? Успокойся.

Степан поцеловал мать и пошёл к дверям. Он чувствовал на себе тревожный взгляд матери, но не оглянулся, потому что боялся, если увидит её тревожные глаза, то давно растущая тревога в нём, которая пряталась в глубине его души и которую он просто-напросто игнорировал, выплеснется наружу, и тогда мозг начнёт продуцировать один вопрос за другим, на которые нужно будет искать ответы, а ответить на эти вопросы сможет, по всей вероятности, только мать, но она сейчас была в таком состоянии, что любой незначительный вопрос, касающийся его прошлого, мог привести её к истерике и к нервному срыву. Он ехал домой, вовремя притормаживал на красный свет светофора, своевременно трогался на жёлтый, включал поворотный сигнал, когда менял дорожную полосу или поворачивал на другую улицу. Но всё это он проделывал автоматически, заученными движениями, не задумываясь над необходимостью того или иного действия. Вопросы, которых он боялся, начали его заполнять уже по пути домой. Кто он на самом деле: Захаров и по национальности русский или немец и его фамилия звучала когда-то совсем по-другому? Раньше для него особой роли не играло, какой он национальности. Он говорил по-русски, он думал по-русски, и что он русский – было само собой разумеющимся. Но теперь вопросы обваливались на него как лавина. Что брать за основу его национальности – воспитание в русской семье или рождение от немецких родителей? Те, кто его воспитывали, они, бесспорно, его отец и мать. А тогда кто же та женщина, родившая его? Кто был тот мужчина, зачавший ребёнка? Правду ли сказала мать, что его настоящие родители умерли? Если это неправда, то почему они отдали маленького ребёнка в чужие руки? Был он нежеланным ребёнком, был он для них лишним?

Измученный вопросами, Захаров вошёл в свою квартиру. Жена, обрадованная долгожданным возвращением в родные стены, лежала на диване в зале и читала книгу. Дочь, пришедшая поздно из художественной студии, делала в своей комнате уроки. Степан оставил полупустую сумку в спальне, прошёл в кухню, набрал в тарелку еду и с удовольствием поел.

В холодильнике стоял ещё до Указа купленный коньяк. Степан налил себе в простой гранёный стакан сто грамм и выпил. Он остался сидеть у стола и наблюдал, как под крышей соседнего дома суетливые ласточки строили из кусочков глины гнездо. Пришла Вера и, увидев задумчивого и озабоченного мужа, спросила:

– Что с тобой? Как у матери дела?

– Там всё в порядке. Я просто устал.

Он не хотел пока рассказывать жене о признании отца перед смертью и о последнем разговоре с матерью. Не потому, что он не доверял ей, а потому, что сам ещё не решил, как отнестись ко всему этому.

И в постели он чувствовал, что, вернувшись в свою квартиру, жена ждала от него ласки и хотела, возможно, ещё большего, но он повернулся к ней спиной и долго лежал с открытыми глазами, пытаясь вспомнить хотя бы что-нибудь из его далекого прошлого, когда он был совсем маленьким и, может быть, была ещё рядом та женщина, которая родила его. В памяти всплыло какое-то смутное чувство, как будто он прикоснулся губами к материнской груди и вдыхал запах молока. Нет, это был не прямой молочный запах. Сюда примешивался запах кухни и йодистый запах больницы. Он не знал, откуда такое сочетание запахов, но воспоминание об этом запахе преследовало его с детства. Когда ему было 15 лет, он спросил как-то мать, кормила ли она его грудью. «Конечно, сынок, я кормила тебя грудью. Правда, недолго. Ты болел и после болезни грудь уже не взял», – удивленно ответила она на его вопрос. Больше он её об этом не спрашивал. Но всегда, обнимая мать, он пытался уловить запах материнского молока. Она пахла библиотечными книгами, вкусными пирогами с творогом, стиральным порошком и карамелью, но запах материнского молока уловить не мог. Когда женился и родилась дочь, он однажды ночью приложился в шутку к груди жены и попытался высосать немного молока. Молоко было жирным и терпким, не таким, как в бутылках, которое он покупал в молочном отделе гастронома. Жена тогда ещё от прикосновения его губ засмеялась, хлопнула ладонью по голове и сказала: «Оставь ребёнку». Он лежал в тот раз счастливый, наполненный чувством причастия к своему ребёнку, благодарностью к жене, родившей ему это крохотное существо, но в душе и тогда разрасталось щемящее чувство забытого прошлого, тонкий запах материнского молока во рту был всё равно не тем, который сидел в глубине его сознания. Откуда пришло это чувство? Теперь он знал, что от матери этот запах не мог остаться в памяти. Скорее всего, этот запах связан с той неизвестной ему женщиной, родившей его. Поэтому этот запах преследует его всю жизнь. Он вспомнил, как в детстве, когда ему было шесть лет, в их доме появилась молодая домработница. У неё был маленький ребенок, которого она кормила грудью. Боясь сквозняка, она ходила всегда в тёплой кофте. К тому времени, когда ей нужно было кормить ребенка, её грудь набухала, и иногда избыток молока просачивался через плотный материал бюстгалтера и шерсть кофты. Запах её молока, смешанный с кухонными запахами, чем-то напоминал тот запах, сидевший в его сознании. Ему хотелось прижаться к этой молодой, полногрудой, пышущей здоровьем женщине. Однажды, учуяв от неё этот манящий запах, он пошёл за ней, остановился в дверях кухни и с удовольствием вдыхал его. Домработница спросила: «Что ты хочешь, Стёпушка? Кушать?» Он застеснялся, почувствовал, как краска начала заливать его лицо, убежал в свою комнату, долго сидел один среди игрушек и плакал, тоскуя непонятно о чём.

Ещё один вопрос мучил его. Казалось бы, какая разница: русский или немец, но почему-то вопрос, кто он на самом деле, начал принимать всё большее и большее значение для него. И чем сильнее он старался отогнать от себя этот вопрос, тем настойчивей его мозг возвращался к нему. Он вспомнил себя совсем маленьким. Они только что переехали в старый дом на окраине города. В доме пахло сыростью, зимой и летом держалась одна и та же температура. Старые ворота с калиткой висели на полусгнивших деревянных столбах. Он забрался на один из столбов и с интересом наблюдал, как в соседнем дворе играли в какую-то незнакомую игру два

мальчика. Они были почти его ровесники. Вышла женщина и на незнакомом языке позвала их в дом. Вернувшись домой, Степан спросил мать, на каком языке разговаривают их соседи.

– На немецком, – коротко ответила мать.

– Немцы – они же фашисты?

Мать ничего не ответила, только улыбнулась сыну и занялась своими делами.

После обеда мать отправила Степана на улицу. Он вышел за ворота. Там игрались уже его соседи. В нём без всякого основания начала вырастать ненависть к ним. Степан подобрал несколько камней и начал кидать ими в мальчиков, выкрикивая слова: «Фашисты, фрицы». Один из братьев кинул в ответ тоже камнем, другой покрутил у виска указательным пальцем. Они ушли в свой двор, а Степан торжествовал свою первую победу над врагами. Вражда длилась полгода, пока однажды отец не усадил сына к себе на колени и не объяснил ему разницу между фашистами и немцами, живущими по соседству. После этого разговора вражда пошла на убыль, а когда Степана отвели в первый класс и оказалось, что многие ученики в классе по национальности немцы, ненависть к ним исчезла окончательно. Со своими соседями он подружился и очень сожалел, когда они переехали на север Казахстана. Только сейчас он почувствовал в себе острый стыд за ту ненависть к немцам, за те обидные слова, брошенные в адрес ни в чем не виноватых маленьких человечков. Столько лет прошло с тех пор, а совесть начала грызть его именно сегодня, в эту долгую бессонную ночь. К чему бы это? И вообще, к чему весь этот бред? Немец, русский, еврей или татарин – какая разница. «Я русский, я русский», – начал мысленно монотонно повторять Степан, пытаясь отвлечься и заснуть. И наконец заснул.

Утром за завтраком он сидел невыспавшийся и хмуро жевал булочку с маслом.

– Что с тобой? Ты какой-то потерянный. Ворочался всю ночь. Спать не давал.

Жена обеспокоенно смотрела на него, ожидая ответа. Он не стал объясняться. Только ответил дежурной фразой:

– Бессонница мучила.

В институте шла подготовка к летней экзаменационной сессии. Было много работы. Надо было ещё согласовывать списки преподавателей для приёмных экзаменов. В секретариате собирались уже документы будущих абитуриентов. График консультаций и экзаменов нужно было тоже составлять. Часть работы Степан передавал другим преподавателям факультета, но всё равно прежде чем нести документы на утверждение, их надо было проверить. Лекции, проверка работ заочников, текущая работа – все это отвлекало, но вечерами снова наваливались мысли. Это изматывало морально и физически. Что-то надо было делать. Степан уже был даже зол на своего покойного отца за признание, сделанное в последние часы своей жизни. С матерью он виделся часто, но продолжить с ней разговор на эту тему как-то не осмеливался. Наконец в один из дней, когда он привёз мать из города, Степан остался сидеть за столом на кухне и, наблюдая, как мать выкладывает продукты из сумок, спросил:

– Мама, где я родился? В свидетельстве о рождении стоит только фельдшерский пункт войсковой части в Свердловской области. Но, наверное, фельдшерский пункт и часть находились в каком-то городе или селе?

– Зачем тебе это? Села того всё равно давно нет, – ответила мать и стала намеренно сосредоточенно заниматься раскладкой продуктов в холодильнике.

«Странно, родители умерли, села, где я родился, нет. Правду ли говорит мать?!» – промелькнуло в голове Степана. Разговор он не стал продолжать. Но вопрос остался, и ответ на него он хотел знать.

Вечером Степан позвонил давнему другу отца. Его телефон он нашёл в старой записной книжке, которую незаметно от матери прихватил из родительского дома. Трубку подняла женщина. Степан представился и спросил, мог бы он поговорить с Игорем Николаевичем.

– Игорь Николаевич на даче. Я записала вашу фамилию, и когда он приедет домой, скажу ему о вашем звонке, – сухо ответила женщина и тут же положила трубку.

Через несколько дней Захарову на работу позвонили из министерства и пригласили после обеда явиться в приёмную товарища Теплова. Это была фамилия Игоря Николаевича.

Степану пришлось с полчаса прождать в приёмной. Секретарша взяла папку, исчезла в кабинете и через пять минут вышла.

– Товарищ Захаров, пройдите в кабинет.

Когда Степан вошёл в кабинет, из-за стола вышел высокий мужчина в милицмейской форме с генеральскими погонами. Его редкие седые волосы были зачёсаны назад. На кителе в два ряда были закреплены орденские планки.

– Здравствуй, Степан.

Приветливо улыбаясь, генерал пожал Степану руку и вернулся за стол.

– Здравствуйте, Игорь Николаевич.

– Мои искренние соболезнования по случаю смерти твоего отца. Собирался на похороны, но вызвали в ЦК на совещание. Выберу время, заеду на могилку. Всё-таки друзья были. Не один пуд соли вместе съели. Как там твоя мать? Помощь не нужна? Я понимаю, ей трудно теперь одной. Ну да, она же не одна. Вон, сын какой вырос. Сколько тебе уже?

– Тридцать три.

– Последний раз видел тебя на юбилее твоего отца, когда ему пятьдесят лет справляли. Да... Годы идут. Меня тоже, наверное, скоро «уговорят» на пенсию...

Генерал замолчал. Степан ждал, когда его спросят о причине визита, и разглядывал кабинет. Три высоких окна смотрели на солнечную сторону, и от ярко бивших лучей в кабинете было жарко. Генерал встал, снял с себя китель, повесил его на спинку стула, ослабил галстук на шее, подошел к окну, откуда прямые лучи били прямо на стол, и задёрнул шторы.

– Что тебя привело ко мне? – спросил он, перейдя ко второму окну и оставаясь стоять у него.

– Игорь Николаевич, мой отец очень много рассказывал о тех местах, где он служил когда-то. Особенно он любил рассказывать про Урал. В июне у меня отпуск. Хочу поехать в те места. Полазить по горам. Вот только не знаю точно, где на Урале он служил. Может быть, вы знаете?

– Конечно, знаю. Мы после победы были два года в Германии, а потом нас отправили на Урал. Правда, в разные места. Его замполитом во внутренние войска, а меня в штаб Уральсского военного округа. Я тогда был в звании майора. Твой отец по образованию учитель. На фронт в мой батальон он пришёл в звании младшего лейтенанта. Был замполитом роты. Там на Урале ему присвоили звание капитана и назначили замполитом войсковой части. Часть стояла недалеко от города Х... Солдаты охраняли военные объекты и лагеря с военнопленными и уголовниками. Его часть в моё ведомство не входила, но с твоим отцом мы встречались часто. Охотились и рыбачили вместе. Хорошие там места для этого. Твой отец не хотел оставаться военным. Через пару лет после смерти Сталина он попросился в отставку. Тут как раз ты родился. Твоя мать всё время хотела жить на юге. Я получил повышение, и меня перебросили в Среднеазиатский военный округ. Потом они приехали. Ты был совсем маленьким и болел много. Я помог им тогда с квартирой. Твоего отца взяли на работу в отдел пропаганды горкома, а мать с тобой год сидела, и когда ты окреп и пошёл в ясли, она стала в городской библиотеке работать.

– Игорь Николаевич, вы помните мою маму беременной?

– Нет, Степан. Я уехал за полгода до твоего рождения. Да и встречались мы с твоим отцом больше на охоте или рыбалке. Во всяком случае, что его жена беременна, он мне не говорил.

– Можете вы сказать, какие лагеря находились под охраной части, в которой мой отец служил? И что за город или деревня рядом была?

– На память я точно не помню. Город я знаю, но вот с названием деревни могу ошибиться. Мы сделаем так, я наведу справки в архиве, попрошу моего помощника уточнить на карте и примерно через недельку позвоню тебе. Устраивает?

– Да, конечно. Спасибо, Игорь Николаевич.

– Пока ещё не за что.

Генерал встал и протянул Степану руку.

– Передай Валентине Андреевне привет от меня. Как-нибудь заеду.

Они распрощались.

Ровно через неделю генерал позвонил вечером. Трубку взяла жена. Она позвала мужа, который был занят бумагами в своём кабинете. На немой вопрос Степана Вера пожала плечами и, прикрывая трубку, удивленно сказала:

– Какой-то генерал.

– Степан, привет. Не помешал? – спросил генерал.

– Нет, нет, Игорь Николаевич. Я ждал вашего звонка.

– Я послал тебе карту с местностью, где часть твоего отца была. Деревня называлась У..., колхоз «Октябрь». На карте я пометил её цветным карандашом. Завидую тебе, проведёшь отпуск в таких хороших местах. Природа там исключительная. Приедешь из отпуска, позвони.

– Спасибо вам большое.

– Не за что, не за что. Я тоже, когда сидел над этой картой, своё удовольствие получил. Вспомнилось многое. Хорошо иногда вот так вернуться в своё прошлое. Если что-нибудь ещё нужно, звони.

Щёлкнуло в трубке, и пошли короткие гудки. Вера всё время стояла рядом и прислушивалась к разговору.

– Откуда ты знаешь этого генерала?

– Он был другом моего отца.

– Что ему нужно?

– Я просил его уточнить те места на Урале, где служил мой отец. От него придёт на днях для меня пакет.

– Что там будет?

– Карта.

– Зачем она тебе нужна?

Степан на мгновение задумался, говорить ли жене о его сомнениях, о мучавших вопросах, и решил всё же ещё подождать со всей правдой.

– Так, для домашнего архива. Хотелось знать, где служил отец. В тех местах я когда-то родился.

Жена, успокоенная ответом, ушла к телевизору смотреть многосерийный мексиканский фильм, а Степан прошёл на кухню, открыл холодильник, достал почти пустую бутылку коньяка, вылил весь остаток в стакан, выпил и, взволнованный разговором, сидел несколько минут, бессмысленно глядя в тёмное окно. Он не знал ещё, для чего нужна будет ему эта карта, название какой-то незнакомой деревни у чёрта на куличках где-то за Уралом. В нём сидело чувство ожидания чего-то, но чего именно, понять не мог. Томила душа, устал мозг от постоянных вопросов, и сердце наполнялось предчувствием. Было трудно разобраться, хорошее это предчувствие или неприятное, что-то хорошее ждёт его впереди или плохое. И какие ответы он получит на свои вопросы, он тоже не знал, но подспудно и неосознанно готовил себя к чему-то новому и непонятному в его жизни.

Коллектив кафедры относился к Степану уважительно. Он отвечал за учебную часть, работу свою знал и исполнял её исправно. Поначалу, когда его неожиданно назначили заместителем заведующего кафедрой, была какая-то натянутость в отношениях между ним и преподавателями. Но со временем все смирились с тем, что ими руководит самый молодой по отно-

шению к ним преподаватель. Правда, несколько раз ему пытались намекнуть, что на эту должность он попал благодаря влиянию своего отца. Но Степан был уверен, что на эту должность его назначили только из-за его знаний, умения и старательности. На первых порах ему помогала Юлия Викторовна, и с тех пор они остались друзьями. Хотя так прямо о дружбе говорить нельзя. Она была старше Степана на пятнадцать лет. Её взрослая дочка вышла замуж, и Юлия Викторовна была уже бабушкой. Но это несколько не мешало им дружить.

Однажды, оставшись с ней наедине в кабинете, Степан спросил её:

– Юлия Викторовна, вы же немка?

– Да, – ответила она удивленно. – А почему тебя это вдруг заинтересовало?

– Моя жена – немка. Хочется знать, как вы себя чувствуете, зная о том, что по национальности немка.

– Интересно. Таких вопросов мне ещё не задавали. Да я и не задумывалась как-то об этом. Я немка, ну и всё. Какие у тебя, Степан, чувства от того, что ты русский?

Она засмеялась.

– Юлия Викторовна, я же серьёзно, – не унимался Степан. – Я же слышал о том, как в своё время преследовали немцев. Об этом много рассказывали у Веры дома, когда мы к ним в гости ездили.

Юлия Викторовна перестала улыбаться и задумалась.

– Знаешь, Степан, на этот вопрос так однозначно не ответишь. Я читала много о тех временах. Мой муж серьёзно интересуется историей поволжских немцев. Кажется, сейчас создаётся какое-то общество немецкое, так он занят сейчас в организационном комитете. Этим вопросом он владеет лучше, чем я. Лично у меня ни к кому особых претензий нет. А что, у родственников Веры были какие-то трудности из-за национальности?

– Я знаю, что у тех, кто родился до войны, были трудности с поступлением в институты. Потом, кажется, немцам запрещали выезжать с мест проживания.

– Это ты про комендатуру? Я, например, родилась перед началом войны, здесь – в Казахстане. Мои родители были высланы сюда с первой волной раскулаченных. Может быть, во время войны в России к немцам и относились с недоверием и даже ненавидели их, но в Казахстане, мне кажется, такой глубокой ненависти к нам не было, по-моему, и сейчас нет. Я поступала в университет сразу после отмены комендатуры, и проблем у меня тогда не было.

– Неужели в вашей жизни не было ни одного случая, когда бы вы чувствовали себя из-за национальности в чём-то ущемлённой?

– Это смотря с какой позиции на то или иное событие смотреть. Вот, допустим, когда я приготовила несколько лет назад учебник по занимательной физике, в издательстве отказались его печатать. Спасибо Бауржан Самаловичу. Он позвонил в несколько мест, и через пару месяцев мой учебник был опубликован. Правда, мне пришлось нашего заведующего внести в список соавторов, но сильно из-за этого я не пострадала. При желании можно было бы сказать, что меня не хотели печатать из-за моей национальности. Но на самом деле это было бы чистой неправдой. Возможно, что моя карьера пострадала из-за национальности...

– Как это?

– Ну, ты помнишь же, что на должность заместителя завкафедрой сначала прочили меня. Может быть, из-за того, что я немка, остановились на твоей кандидатуре. Но это, опять же, можно только предполагать. А в принципе, я сейчас даже рада, что меня тогда не назначили на эту должность. Больше времени для семьи, для внука. Да и не ошиблись, в конце концов, с тобой.

– А ведь действительно, лучше бы вас тогда назначили замом. У вас и опыта больше, – сказал задумчиво Степан.

Юлия Викторовна снисходительно улыбнулась:

– Не нам суждено было об этом решать.

– Как вы относитесь к тому, что сейчас многие засобирались в Германию?

– Хочешь откровенный ответ?

– Да.

– Так вот, я никуда не собираюсь, но моя дочь с зятем документы в Германию отправили. И если им разрешат выехать, то мы с мужем поедem с ними. Она моя единственная дочь, и поэтому одну мы её не оставим. Зачем тебе это нужно знать, Степан?!

– Извините за назойливость. Родители Веры получили вызов из Германии. Она переживает сильно. Вот хотелось бы узнать, какова там жизнь.

– Я-то откуда могу это знать? По-всякому рассказывают. Голова кругом от этих рассказов. Знаете что, Степан, если её родители хотят ехать в Германию, то значит, они об этом хорошо подумали.

После консультаций вошли несколько преподавателей в кабинет, и Юлия Викторовна, прежде чем выйти из кабинета, сказала:

– Не переживайте, Степан Александрович, всё будет хорошо. Не забивайте себе голову.

Она вышла, а Степан, так и ничего для себя не выяснив, остался по-прежнему со своими вопросами один на один.

Пришло письмо от родителей Веры. Они сообщали дату своего отъезда в Германию. У Надюши наступили каникулы, а Степану с Верой пришлось брать отпуск на работе, чтобы в последний раз увидеться с родными и проводить их в дальний путь. Было трудно с билетами на самолёт, но через знакомых взяли билет на прямой рейс до Омска, а оттуда был уже час езды на легковой до большой деревни, где жили родители Веры. В доме у них царил беспорядок. Привычной мебели уже не было. В пустых комнатах стояли только кровати, кухонная мебель была заменена старым столом и несколькими облезлыми стульями. В углу кухни сиротливо стояла газовая плита, на которой варился обед. Пожилой, обросший бородой татарин унёс телевизор, незнакомая женщина увела за собой корову с телёнком. Провожая корову, плакала мать Веры. За сараями завалили свинью и разделявали её для прощального вечера. Дом тоже был уже продан, и новые хозяева наведались вечером, чтобы проверить, всё ли стоит на месте, и ещё раз пройтись по добротному немецкому дому, в который им не терпелось заселиться. Почти половина жителей села были немцы. Одновременно в один день уезжали около двадцати семей. Каждая семья хотела напоследок блеснуть своим достатком, отметить свой отъезд праздником, который должен был оставить на долгие годы память о них у соседей, друзей и коллег по работе. Несмотря на безалкогольный Указ, на столах стояла водка и дорогие коньяки, которые были куплены втридорога у спекулянтов. Денег не жалели. Куда с этими рублями в Европе?!

Степан с женой и дочерью прожили в деревне неделю. Каждый день они шли к кому-нибудь на проводы. К концу недели, когда были намечены проводы родни Веры, он уже не мог смотреть на куриную лапшу, на свиные окорока, на жирную телятину. Скорее бы выбраться из этого прощального бреда и ежедневного обжирания. Наконец в понедельник утром уезжающие семьи расселись в двух больших «икарусах», разместив свой скарб в их днищах, и уехали в омский аэропорт, где ждал самолёт, который должен был перенести их из категории советских граждан в категорию переселенцев. Степана, Веру и Надю, обратный рейс у которых был тоже назначен на этот же день, довели до аэропорта на «москвиче» остававшиеся в деревне родственники.

Они долго прощались с родными перед стойкой регистрации, простояли почти час у стеклянных окон, ожидая, когда взлетит самолёт на Германию, и вдруг оказались одни в опустевшем зале аэропорта. После шума и суеты в аэропорту стало тихо. Уставшие от бесконечных проводов, слёз, смеха и еле сдерживаемой тоски, они наслаждались тишиной. Только иногда шум самолетного двигателя нарушал тишину. Степан и Вера читали газеты, Надя что-то рисовала на ватмане маленького формата. Прочитав очередную новость о визите генерального

за границу, Степан, делая вид, что продолжает читать, наблюдал за своими родными. У Веры после хлопот и расставаний с родными глаза были ещё припухшими. Надюшу все волнения обошли стороной. Она всю неделю прожила у своего дяди, который оставался пока ещё жить в селе. Утром ей не приходилось рано вставать, и днём она уходила с подругами или на речку, или уединялась со своими листами и акварельной краской где-нибудь в роще недалеко от села. Степан всегда удивлялся той простоте отношений в многочисленной родне Веры. Её отец работал механиком в совхозе, мать учительствовала. Были ещё три брата и две сестры. Сёстры пошли по стопам матери. Два брата тоже работали в совхозе, а один, самый младший, окончил университет и работал преподавателем в техникуме. Младший и старший оставались в Союзе. У обоих были русские жёны, и несмотря на то, что и они вместе с родителями получили вызовы, решили подождать с отъездом. Германия – историческая родина, но кто его знает, какой стороной повернётся эта родина к своим новоиспеченным сыновьям. Тем более что жёны не особенно рвались за границу, которая для них была чужой. Степану импонировало то, с каким пониманием относились в родне к такому шагу одних из них. Не было осуждения, не было упрёков. Так, только некоторое сожаление, что приходится расставаться, и умеренно скрытое беспокойство за судьбы тех, кто остаётся, с одной стороны, и за судьбы тех, кто уезжает, с другой стороны.

Снова зал аэропорта наполнился людьми и через некоторое время опустел. Нет, совсем пустым он не был. Но, как обычно, в местах, где собирается большая масса людей, все почему-то начинают громко разговаривать, и в конце концов все кричат, но никто никого толком не слышит. По мере того как пустеет зал, начинается обратный процесс. Люди начинают говорить всё тише и тише. Последние несколько оставшихся пассажиров начинают говорить друг с другом шёпотом, как будто боясь нарушить короткие и редкие минуты тишины. Вот и сейчас, когда одни, ждавшие с нетерпением своего рейса, радостно улетели, другие, уставшие от долгого полёта, прошли через контроль, расхватали свои чемоданы и сумки и убежали к электричкам, автобусам и такси, наступило время тихих разговоров, спокойных размышлений и просто покоя.

Почему-то эта вдруг наступившая тишина подавляюще действовала на Степана. Он почувствовал себя одиноким. Рядом сидели жена и дочь. Редкими кучками сидели или стояли пассажиры вокруг. Он был не один в этом огромном зале. Но чувство внутреннего одиночества начало постепенно овладевать им. Он понял вдруг, что оказался один на один с заполнявшими его вопросами, что внутренний конфликт в нём вырос в проблему и одному ему с ней не справиться. И от этого становилось ещё больше одиноко и страшно. Он завидовал своей жене. У неё большая родня. У неё есть братья и сёстры, масса двоюродных и троюродных родственников, дядьки и тётки. У неё было детство в шумной, не очень богатой, но дружной семье. А его детство было тихим, размеренным. Всё, что он хотел иметь, получал без задержек. Никто не мешал ему делать уроки, читать книги, смотреть телевизор. Но и не было никого, с кем можно было бы обсудить свою тайну, кому можно было бы доверить свою мечту, с кем можно было громко поругаться и с удовольствием помириться, к кому можно было бы пойти за помощью или помочь самому кому-нибудь. Он почувствовал себя обворованным. У него украли детство.

Степан повернулся к жене, приложил голову к её плечу и неслышно заплакал. Жена вздрогнула, оторвала взгляд от журнала, наклонив голову, глянула в лицо мужа и обеспокоенно спросила:

– Ты что, Степа? Что с тобой.

Стараясь скрыть слёзы от дочери, он уткнулся лицом в плечо жены и прерывистым голосом сказал:

– Вера, я же тоже немец. Отец перед смертью мне сказал, что я не их родной сын, что меня родила немка. Мой настоящий отец был немецкий военнопленный.

– Не может быть!

Вера обхватила Степана руками, прижимая его к себе.

– Вот что тебя мучило последнее время. Почему ты мне сразу об этом не сказал?

– Я не знал, что мне делать с отцовским признанием. Сначала я не придавал его словам большого значения, но постепенно стал задумываться над ними. И чем больше об этом думаю, тем мне делается трудней. Вера, ты не можешь представить, как мне сейчас тяжело. Столько вопросов, на которые я не могу получить ответов. Во мне сидит чувство ожидания чего-то. Мне кажется, что я стою на краю пропасти и вот-вот упаду вниз.

Степан рассказывал жене о своих переживаниях, о разговорах с матерью, о попытках найти ответы на возникшие вопросы. Слёзы перестали литься. С каждой фразой ему становилось легче, и он уже пожалел, что раньше не рассказал обо всём жене.

– Я не знаю, что делать? Мне хочется знать, кто были мои родители? Почему они отказались от меня? Живы ли они?

– Степа, тебе надо их найти.

– Как?! Я уже думал об этом. Но как?

– Ты же для чего-то получил карту от генерала. Поезжай в те места, где ты родился. Ведь остался же кто-нибудь, кто помнит те времена. Если ты ничего не будешь делать, чтобы найти ответы на свои вопросы, будешь мучиться ими всю жизнь.

– Да, ты права. Что-то надо делать.

Зал начал снова наполняться людьми. Стало шумно. Объявили регистрацию на несколько рейсов. У стоек регистрации вытянулись длинные очереди. Степан с женой и дочерью тоже пристроились в хвост одной из них и через час летели в самолёте домой.

Снова наступила текучка. Степан консультировал абитуриентов, проверял контрольные, готовился к приёмным экзаменам, но всё это проходило мимо него, как будто не он этим занимался, а кто-то посторонний, и он со стороны наблюдает за этим посторонним. Пару раз на консультациях он вдруг терял нить разговора, забывал, о чём рассказывал абитуриентам, и только после того, как кто-нибудь напоминал ему, о чём шла речь, мог дальше вести консультацию. Коллеги по работе тоже обратили внимание на его задумчивость и растерянность. В минуты перерыва он сидел за столом, отвлеченно глядел куда-нибудь в одну точку и не слышал задаваемых ему вопросов. Он знал, что так дальше продолжаться не может. Что-то надо было делать.

В один из дней после очередной консультации, буквально за несколько дней до первого приёмного экзамена, Захаров пошёл к заведующему кафедрой. Когда-то в начале своей учёной карьеры профессор сделал несколько интересных открытий, защитил успешно докторскую, лет двадцать работал в системе Министерства обороны, и оттуда его направили в институт на освободившееся место. Новые идеи уже давно оставили его. Он превратился в простого, но талантливого администратора. Иногда, когда кто-нибудь из подчинённых издавал собственную книгу или учебник, его брали в соавторы. Когда добровольно, когда под принуждением. В любом случае, его имя открывало двери издательства, не надо было годами ждать очереди в типографии, и гонорар за книгу с таким известным автором тоже был не маленьким.

Профессор был у себя, и молоденькая секретарша сразу же провела Степана в кабинет. Здесь было прохладно. Ровно и чуть слышно гудел кондиционер. Через плотные шторы почти не пробивалось солнце, но всё равно в кабинете было достаточно светло. Завкафедрой сидел за массивным столом и читал толстый журнал. Как обычно, он был одет в строгий синего цвета костюм, воротник белой рубашки затянут галстуком. Даже в своём кабинете он не давал себе расслабляться и выглядел всегда подчеркнуто официально. Поначалу подчиненных пугала эта официозность, но со временем преподаватели поняли, что под официальной одеждой и кажущейся строгостью скрывается добрая душа. Когда Степан вошел в кабинет, заведующий поднял глаза и вопросительно посмотрел на молодого заместителя. Несмотря на то, что Степан был заместителем, они встречались мало, только в самых необходимых случаях. Захаров

хорошо знал свои обязанности, был в решениях самостоятелен. Заведующему это нравилось. Чем меньше его беспокоили, тем было лучше. Позади был напряжённый день, полный встреч с нужными людьми, телефонных переговоров, переваривания гор бумаг, совещаний на разных уровнях, и теперь, под конец рабочего дня, ему никого не хотелось видеть, даже собственного заместителя, вход для которого, собственно говоря, был всегда в его кабинет открыт.

– Что случилось? Что надо? – по-военному отрывисто и как обычно напрямую спросил он.

– Бауржан Самалович, мне нужен отпуск, – без предисловия и так же прямо сказал Степан.

– Что?! – удивлённо, даже испуганно вскрикнул завкафедрой. – Какой отпуск?! Экзамены на носу. Ты отвечаешь за это. Наберём студентов на факультет, тогда получишь отпуск.

– Бауржан-ага, мне действительно нужен отпуск. Это личное. Я никогда не подводил вас. И сейчас я был готов выполнять свою работу. Но после смерти отца осталось многое, что нужно срочно сделать и на что мне надо время. За меня останется Юлия Викторовна. Она в курсе всего и справится.

– Я не могу тебя сейчас отпустить. Кто такая Юлия Викторовна? Ты мой заместитель. Ты отвечаешь за приёмные экзамены. Ты должен протоколы подписывать.

– Ага, вы же знаете, что вашим замом должна была быть Юлия Викторовна. Я до сих пор не пойму, почему вместо неё меня назначили на эту должность. Она знает работу лучше меня. Мне нужна будет, возможно, только одна неделя. Ко второму потоку вернусь. Документы можно будет тоже тогда подписать.

– Насчет того, почему тебя назначили моим замом, надо было своего отца спрашивать.

Профессор откинулся в кресле и пристально смотрел на Степана

– Ты говорил с Юлией Викторовной? – после недолгого размышления спросил он.

– Да. Она согласна меня заменить.

– Ладно. Иди. Я подумаю.

Профессор зло уткнулся в журнал, подчёркивая этим, что разговор закончен.

Степан, не получивший конкретного ответа, разочарованно вышел. Но отступить он не собирался. «Так просто ты от меня не избавишься», – подумал он и спросил секретаршу, каков порядок дня у профессора на завтра. С одиннадцати часов он должен был быть снова в своём кабинете.

– Я приду ровно в одиннадцать, – сказал Степан секретарше, – у меня ещё дела к нему.

На следующий день ему не надо было идти к профессору. На столе у секретарши лежал короткий приказ о предоставлении ему отпуска. Обрадованный Степан позвонил жене.

– Вера, мне дали с понедельника отпуск! – он подождал несколько секунд, ожидая ответа жены, но она молчала. – Может быть, возьмёшь тоже отпуск и со мной поедешь?

– Нет, Степан, меня на работе не отпустят. А во-вторых, лучше, если ты сам поедешь.

– Почему?

– Так лучше.

Степан подумал: «Женская логика... но, наверное, она права». Он сдал в деканате все дела Юлии Викторовне, подписал несколько документов, попрощался с коллегами и по дороге домой заехал на вокзал. Проще и быстрее было бы лететь на самолёте. Но почему-то в этот раз Степану хотелось поехать на поезде. Он давно не ездил в поездах. Последний раз ездил со студенческим строительным отрядом. В памяти остались вагонная суета, короткие перекуры и очереди у киосков на узловых станциях, шумные застолья в узком купе и длинные нескончаемые разговоры. Но больше всего ему запомнились ночи. Монотонный стук колёс, беспокойный сон соседей по купе, мелькание фонарей и напряжённая работа мыслей. Казалось бы, вокруг полно народу, входят и выходят на станциях люди, торопятся по нужде пассажиры в туалет, боясь заснуть на дежурстве, шорохается по проходу проводник. Ты не одинок. Но именно

здесь, в вагоне, ночью, чувствуешь себя одиноким и потерянным. И начинается работа мыслей. Возвращается всё, что ты пережил в последние дни, на многое смотришь иначе, многое начинаешь понимать по-другому, и то, что было сложно и непонятно, становится вдруг ясным и понятным. Распутываются запутанные клубки, вспоминаются забытые люди, возвращаются потерянные мечты. Не заполненные чемоданами и узлами коридоры, не запах мочи из испорченного туалета, не копоть, летящая в окно от тепловоза, не пьяная ругань перепившего алкоголика запомнилась Степану, а эти ночи. Поэтому ему хотелось снова поехать поездом, чтобы в дороге привести свои мысли в порядок, понять, чего он хочет и что он ищет.

На вокзале с помощью знакомого из конторы вагонного депо взял билет в купейный вагон до Свердловска. Дома позвонил ещё раз генералу в министерство. Секретарша тут же соединила его.

– Да, Степан, слушаю, – доброжелательно проговорил в трубку генерал.

– Игорь Николаевич, я завтра выезжаю в Свердловск. Могли бы вы мне посоветовать, к кому там обратиться за помощью? Всё-таки места незнакомые. Может быть, вы знаете кого-нибудь, кто хорошо знаком с теми местами.

– Ты езжай сразу в город Н... Это районный центр. Там найдёшь Иван Ивановича Зацепина. Бывший кагэбэшник, сейчас на пенсии. Он поможет тебе. Я ему пошлю телеграмму. Запиши его адрес.

Степан записал адрес и сказал в трубку:

– Спасибо, Игорь Николаевич.

– Не за что. Передашь ему привет от меня. Смотри, он любит выпить. Противный, когда напьётся. Давай, счастливого пути.

Вечером с женой паковал дорожную сумку. Дочь не могла понять, почему всё время ездили в отпуск вместе, а сейчас папа уезжает один. Степан в этот вечер впервые увидел, что у дочери точно так, как у матери, от обиды подрагивает ноздря. Радуюсь своему неожиданному открытию, он попытался объяснить ей, почему едет один, но получилось это как-то неуклюже и неубедительно, и она, обиженная, ушла в свою комнату. Утром он поцеловал сонную дочь и на такси с женой уехал на вокзал. Вечером, когда паковали сумку, и на вокзале в ожидании поезда они почти не говорили друг с другом. Каждый был занят своими мыслями, и тревожное ожидание чего-то разрасталось в душе. Когда подали состав, Степан обнял жену и сказал:

– Иди, Вера, не жди, пока дадут отправление.

Она согласно кивнула головой, незаметно смахнула выступившую влагу на глазах и решительно пошла к остановке такси.

– 2 —

Буднично и привычно тронулся поезд от перрона вокзала. Степану предстояла длинная дорога. Достаточно времени, чтобы привести мысли в порядок. Но сначала для раздумий времени не было. Убрать сумку наверх, переодеться в спортивный костюм, попить спокойно чайку и при этом познакомиться с соседями. Хочешь не хочешь, а с ними надо будет знакомиться. Не будешь же всю дорогу молча буквой сидеть рядом с людьми. Так и пролетают часы, пока узнаешь что-то о своих соседях-попутчиках, пока сам коротко расскажешь о себе. И уйти от этого традиционного сценария очень трудно. Только вечером, когда пассажиры, уставшие от дневной суеты, от бесконечных разговоров, от спешки на станциях и от качки вагонов и стука колес, укладываются спать, появляется возможность остаться наедине с собой.

Степан лежал на второй полке и наслаждался относительной тишиной. Конечно, стучали колеса, открывались и закрывались двери, пробивался разговор соседей из-за перегородки, но в его купе два попутчика уже спали, а третий как исчез под вечер в неизвестном направлении, так и не появлялся больше. Спать, несмотря на усталость, не хотелось. Навали-

лись воспоминания. Вспомнилась первая встреча с Верой. Он закончил только что университет. Его оставили на факультете. Пригласил друзей, чтобы отметить это событие в ресторане. Рядом, за поставленными в ряд столами, отмечали получение дипломов студенты другого института. Красивая девушка приглянулась Степану. Они несколько раз скрещивались взглядами. Он пригласил её на танец. Познакомились. В полночь убежали от своих друзей и бывших сокурсников и бродили до рассвета по тихой летней Алма-Ате. Дошли до окраины города. Здесь стоял запах созревшей сливы, абрикосов и цветов. Лёгкий ветерок приносил свежесть с гор. Запах гор, смешиваясь с запахом цветов и зрелых фруктов, будил чувства, которые были пока ещё непонятны, но душа наполнялась ожиданием. Пришла любовь. Неожиданно. У Степана были до этого девушки. Ему казалось, что он уже любил, но с этой ночи понял, что заблуждался. И для Веры – скромной девушки из сибирской глубинки – возникшие чувства были новыми. Стали встречаться. Веру распределили после техникума в пригородное село Каскелен. Он, оставшийся работать в университете, ездил к ней чуть ли не каждый день. Они расставались на несколько недель. Вера ездила домой, а Степан с родителями на Чёрное море. Снова встретившись в конце августа, поняли – им нельзя друг без друга. Тогда и повез Степан Веру к себе домой знакомить с родителями. Он знал, что Вера немка, но не придавал этому значения. Воспитан был так. Отец и мать всегда с уважением относились к другим национальностям. Но когда вдруг увидел со стороны родителей такое неприкрытое сопротивление против невесты-немки, был удивлён. Особенно его поразило то, что свою неприязнь они даже не скрывали от Веры. Во время обеда мать всё время молчала, а отец задал только несколько дежурных вопросов о её родителях, о работе и, не доев второго, извинившись, ушёл в свой кабинет.

Когда Степан отвозил на отцовской машине Веру в Каскелен, она плакала. И он был обижен и растерян. Несколько раз пытался завести разговор с родителями о причинах такого холодного приёма, но и мать, и отец уходили от разговора. В конце концов Степан и Вера подали заявление в загс. Он сообщил родителям о дате регистрации. Мать закатила истерику, отец же замкнулся в себе. На регистрацию они не пришли. Приезжала мать Веры и два брата. Видимо, Вера кое о чём рассказала родным, потому что они не спрашивали, почему нет на регистрации его родителей. И Степан был благодарен им за такой такт и понимание. Свадьбу решили не делать. Отметили регистрацию в маленьком кругу родных невесты и друзей жениха. Молодые несколько недель пожили отдельно, а потом университетский профком выделил им маленькую комнату в семейном общежитии.

Двухэтажное здание общежития было построено ещё до войны. На каждом этаже в один общий коридор выходило восемь дверей. Комнаты небольшие и служили сразу залом, спальней и кухней. Две душевые кабины и два туалета на весь этаж были общими. За чистотой следили по очереди все жильцы. Но так получилось, что свой долг в этом отношении могли выполнять только молодые, а их было всего две семьи на весь этаж. Остальные жили здесь вечно и старились, очевидно, вместе с домом. Так, соседями Захаровых с одной стороны были две старушки-еврейки, заселившиеся в этот дом ещё до войны. Их выселили из Москвы, и они постоянно рассказывали, как им повезло, что их тогда только выслали, а не отправили, как их мужей, в ГУЛАГ. Своих мужей они так и не увидели, проработали до пенсии музыкантами в детских садах и были довольны тем, что на старости лет остались не одни. По возрасту было трудно определить, кто из них старше. Одна из них была глуховата, вторая же, наоборот, слышала даже то, что ей не надо было бы слышать. Глухая любила играть на расстроенном рояле. Часто из её комнаты слышалась громкая музыка. Сначала это раздражало, но потом стало привычным. Напротив Захаровых жила состарившаяся пара. У них была польская фамилия. Детей они не имели, и в гости к ним никто не ходил. Дед был высок ростом и худой. Он редко выходил на улицу. Болел ревматизмом, и его плохо держали ноги. Старик много курил, и когда открывалась дверь их комнаты, коридор заполнялся запахом самосада. Бабка, в отличие от него,

была маленькой и упитанной. Она любила поговорить и была часто замечена в подслушивании у дверей чужих комнат. С этими беззлобными стариками жильцы общаги ещё как-то мирились.

Труднее обстояло дело с участником войны. Он был всегда чем-то недоволен. Отказался наотрез делать уборку в общем коридоре, в душевых и туалетах. Каждую субботу надевал парадный костюм с орденом Красной звезды и несколькими медалями и шёл в парк Панфилова. Оттуда к вечеру приходил под хмельком, закрывался в комнате и пел фронтовые песни. Но всё это были цветочки. На большие праздники ветеран гулял по-настоящему и с размахом. В такие дни он напивался до умопомрачения. Возвращаясь, как правило, поздно вечером он уже в коридоре начинал громко кричать: «А, фашисты, попрятались! Я за вас кровь проливал, а вы меня даже с праздником не поздравили!» Пока шёл к своей комнате, успевал свалить всё, что висело на стенах, и вылить кучу матерков на своих соседей. Если он приходил один, то через час военных или блатных песен и грязной ругани засыпал. Хуже было, когда приходил с кем-нибудь из однополчан. Тогда они пили всю ночь водку или самогон, пели песни в два голоса и в конце концов начинали драться друг с другом. Утром после таких гуляний в коридоре было не продохнуть из-за алкогольного перегара, а из комнаты ветерана несло мочой и блевотиной.

Да, тяжёлое время было, подумал Степан. Но зато эти испытания закалили молодую семью. С полгода назад Степан случайно оказался в том районе, где стояло общежитие. Старый дом было трудно узнать. Его капитально перedelали. Поставили новую крышу, из восьми комнат на этаже сделали две четырёхкомнатных квартиры. Получился четырехквартирный дом рядом с центром. Коллега Степана получил квартиру в этом доме и не мог нарадоваться. Действительно, дом получился на славу. В квартирах высокие потолки, всё санитарное оборудование новое, двери и окна тоже поменяли, к тому же пристроили небольшие балкончики. Роскошные квартиры. Надо бы узнать, куда делись старушечки. Может быть, уже нет в живых или в дом престарелых отправили? Конечно, не всё серо и мрачно было тогда в семейной общаге. Случались тоже праздники. Подружились с соседями – молодой парой, и остались друзьями. Когда начался ремонт, друзья получили от горсовета двухкомнатную квартиру в микрорайоне. Феликс был инженер-теплотехник и работал тоже в университете, но потом уволился и перешёл в автосервис. Его жена была занята в торговле. Они были образованны, и Захаровы с удовольствием их приглашали к себе или же сами ездили к ним. Пару раз отдыхали вместе на море.

В семейном общежитии Степан с женой прожил ровно год. Вера была уже в декрете, когда неожиданно в гости заявился его отец. Он постучал в двери, решительно вошёл в комнату и приветливо поздоровался с Верой. Степан помнил, как он смутился тогда. Когда после долгого перерыва увидел своего отца, вдруг почувствовал себя почему-то виноватым перед ним. А Вера, как будто ничего не случилось, тут же предложила чай и сразу назвала его «папа», отчего отец покраснел, но чувствовалось, что ему было приятно. Степан остался навсегда благодарен отцу за то, что он сделал первый шаг к примирению. И жене был признателен за её незлопамятность и уважительное отношение к его родителям. Ещё до рождения ребенка молодые переехали в родительский дом. Но прожили в нём только год и уже с дочкой переселились в новую кооперативную квартиру, за которую большую часть взноса внесли родители.

В то время Степан считал, что реакция родителей на его женитьбу была вызвана обыкновенной родительской ревностью. Отец видел в сыне не обременённого заботами семьянина, а успешно делающего карьеру учёного. И мать, по-видимому, мечтала о невесте из богатой городской семьи, а не об обычной провинциалке. Теперь же Степан понимал, чем была вызвана та неприязнь к Вере. Так, вспоминая прошлое, Степан заснул.

Разного типа люди встречаются в поездах. Одни заходят в вагон, занимают свои места, раскрывают сумки с едой и едят. Все внимание их сосредоточено на том, что лежит перед ними. Удовольствие они получают не от езды, не от проплывающей мимо природы, а от еды.

Другие, только примостив свой багаж, начинают искать партнёров для игры в карты. Дорога для этих людей – это возможность перевести дух, отключиться от каждодневной суеты и проблем. Самым важным было теперь знать, у кого козырный туз и как избавиться от непарной шестёрки. И разговор в этом кругу идёт примитивный и однозначный.

Третьи, войдя в вагон и найдя своё место, сразу расправляют постель и ложатся спать или же забиваются в угол и всю дорогу молчат. На вопросы они отвечают односложно и чаще всего невпопад. Их мысли крутятся где-то далеко, в том мире, который остался за дверями вагона.

Четвертые приносят в вагон веселье и хорошее настроение. Они сразу находят собеседников. Они могут говорить на любую тему. Они могут даже мёртвого разговорить. И если такой тип попадётся вам в попутчики, то дорога будет лёгкой и быстрой.

Степану было интересно наблюдать за своими попутчиками. Опыта езды на поездах у него не было, если не считать поездок со стройотрядом в студенческие времена. Но тогда наблюдать за пассажирами времени не было. Большую часть пути набивались к кому-нибудь в купе, распивали пару бутылок вина, пели под гитару блатные или запрещённые песни, разговаривали на разные темы и расходились за полночь, когда и проводница, и попутчики начинали возмущаться и требовать тишины. Теперь же Степан открывал для себя снова разнообразие людских типов и характеров.

С алма-атинского вокзала в одном купе с ним оказался старый казах. Ему было уже за семьдесят, и он ехал к дочери в город Щучинск. В прошлом врач, он любил рассказывать о своей работе. Особенно он любил вспоминать о своих молодых годах, когда его – молодого специалиста – распределили в далёкую глубинку, где кроме него на сто километров вокруг ни одного врача больше не было. Рассказывая о тех временах, он часто вспоминал случай, когда одну молодую учительницу изнасиловал чабан. В конце рассказа об этом случае бывший врач вытаскивал из своего потрепанного бумажника жёлтую, надорванную на изгибах сельсоветовскую справку, которой было уже, наверное, лет пятьдесят, и показывал новым попутчикам. К тому времени, когда казаху в конце своего пути надо было выходить, Степан уже знал наизусть её текст. Из-за отсутствия поблизости врача председатель сельсовета, на территории которого произошло преступление, должен был справкой подтвердить факт изнасилования женщины. Текст гласил: «Справка о состоянии пострадавшей учительницы в результате изнасилования неизвестным лицом.

Мы, председатель сельсовета Калангуриев Егизбек и секретарь сельсовета Оспанова Айгуль, обследовали пострадавшую... и установили, что в результате изнасилования изменений нет. Как было раньше, так сейчас.

Сельсовет молодой, печать нет.

Верить подпись Калангуриев» – и почти выцветшая размашистая подпись в правом углу.

В Целинограде освободились два места, и одно из них заняла молодая женщина. Она выглядела усталой, и в глазах сквозила озабоченность. Когда врач-пенсионер в очередной раз начал рассказывать второму новому попутчику про случай с учительницей, она никак не отреагировала на рассказ. Степан задал ей пару дежурных вопросов; живёт ли она в Целинограде, куда едет, но получив односложные сухие ответы, отстал от неё. Её грусть передалась ему, и остаток дня он так же, как и она, то смотрел в окно поезда, наблюдая проплывающий ландшафт, то читал случайно оставленный кем-то журнал. Иногда он непроизвольно задумывался, отчего так грустна женщина. Возможно, у неё семейные проблемы, может быть, она безответно любит или кто-то из родных серьёзно болен? Размышления об этом приводили его к собственному случаю, и тогда Степан начинал думать о том, что ждёт его в конце пути, какие открытия ждут его на Урале. Наступали вдруг сомнения: нужно ли было ехать в такую даль, не лучше ли было забыть о словах отца, сделать вид, что ничего не случилось и жить дальше без особых забот и проблем. Он был рад, когда в конце концов грустная пассажирка вышла на малень-

кой станции. У вагона женщину встречал мужчина, и когда она непроизвольно повернулась к окнам вагона, Степан увидел на её лице улыбку и светящиеся счастьем глаза. От этого и ему стало спокойней на душе, исчезли сомнения и появилась уверенность, что эта поездка всё равно принесёт что-то хорошее.

Больше всего Степану нравились весёлые пассажиры, которые любили рассказывать анекдоты и на любой вопрос тут же находили остроумный ответ. У таких людей, казалось, нет никаких проблем. Их настроение передавалось другим пассажирам, и когда эти весельчаки выходили на своих станциях, провожали их чуть ли не всем вагоном. Один из таких типов вошёл в купе за несколько станций до Свердловска. Огненно-рыжий, он мгновенно привлёк внимание других пассажиров. Огромного роста, он занял место у дверей и сразу же начал шарить своими огромными ладонями то в своей старой сумке, то в карманах брюк или же просто потирать ими колени. Его руки не могли без движения. И язык тоже не оставался спокойным. Он тут же со всеми перезнакомился, рассказал несколько анекдотов, чем сразу расположил к себе попутчиков. Услышав смех, заглянули в настежь открытую дверь купе несколько пассажиров, скучавших до этого в коридоре вагона. На вопрос одного из пассажиров, откуда берутся такие рыжие весельчаки, новый попутчик начал рассказывать о том, как население его родной деревни в течение сорока лет превратилось из подавляющего числа брюнетов в подавляющее число рыжих. Назвав этот факт сексуальным феноменом, он под смех пассажиров убедительно рассказывал о научных экспедициях в его деревню для выяснения этого феномена.

Посмеявшись со всеми вместе над незамысловатым рассказом рыжего пассажира, Степан стал собираться к выходу. Уже проплывали мимо улицы Свердловска, уже торопился собрать последнее бельё проводник, уже заполнили проход нетерпеливые и уставшие от долгой езды пассажиры, и поезд, сбавив скорость, медленно вполз на вокзал. Через десять минут Степан стоял у справочной. Получив информацию, как ему добраться до города Н..., он купил в кассе билет на электричку и оставшееся время до её отправления посвятил своему туалету. После того как тщательно умылся и сменил потемневшую от пота и тепловозной копоти рубашку, он поел в вокзальном ресторане и примерно через час стоял на платформе в ожидании нужной электрички. Свежее утро перешло во влажный и жаркий полдень. Рубаха снова стала мокрой. И в вагоне электрички было жарко. Не спасали открытые окна. Над смешанным лесом стояла хмарь, небо было чистым и голубым, и только вдалеке, как будто зацепившись за горную гряду, еле заметно кучковались белые облака. Люди с надеждой смотрели в ту сторону, ожидая, что в конце концов облака наберутся сил, оторвутся от скал и прольются над ними живительными струями дождя, принося в иссушенную от жары землю новую жизнь.

Сойдя на станции в районном центре, Степан спросил у прохожего дорогу и через полчаса стоял у дома с адресом, указанным генералом. Дом стоял в тени высоких деревьев. Давно не крашенные наличники своими замысловатыми узорами напоминали старину. На железной крыше местами проступала ржавчина. Дом нуждался в ремонте, но, видимо, хозяину было недосуг. Степан постучал железной скобой в деревянную калитку. Звук пересохшего дерева эхом отозвался где-то внутри двора. Оттуда лениво пару раз гавкнула собака, прятавшаяся в тени сарая. Обеспокоенно закукарекал петух, предупреждая на всякий случай свой гарем о вероятной опасности. И снова наступила тишина. Треснула от сухости где-то ветка или неплотно прибитая доска. Заверещал кузнечик. Торопливо на бреющем полёте пролетело несколько птиц – то ли синицы, то ли стрижи. Степан снова постучал скобой в дверь, теперь уже громче. Обиженная собака залаяла теперь злобно и от ярости начала рваться с цепи.

– Кто там? – послышался сонный голос.

Захаров просунул голову в калитку.

– Я из Казахстана. Привет вам от Игоря Николаевича, генерала.

– Заходи. Получил от него телеграмму.

На крыльце стоял высокий и широкоплечий мужчина. Круглое лицо было заспанным, и глаза, не успевшие до конца проснуться, лениво и с прищуром смотрели на гостя. Он был весь седой, и даже брови были пепельно-серыми, под цвет волос на голове. На нём были поношенные спортивные брюки и застиранная майка с дыркой на груди под левым соском.

– Цыц. Заткнись, болван, – прикрикнул хозяин на собаку и жестом пригласил гостя в дом.

Они прошли по широкому коридору мимо кухни и нескольких закрытых дверей в широкий и светлый зал. На полу лежал толстый ковер. Он был стар и там, куда чаще всего попадало солнце, основательно выцвел. Старая мебель из массивного дерева покрыта тёмным лаком, и только диван и два кресла были новыми и, видимо, недавно куплены. В углу на тумбочке стоял телевизор. Было чисто и уютно, и от солнечных лучей зал выглядел даже празднично.

– Садись, – перейдя сразу на «ты», предложил хозяин. – Как там генерал? Такой же бабник?

– Не знаю. При последней нашей встрече выглядел хорошо. Привет вам передаёт, – ответил Степан, усаживаясь в кресло.

Он ощущал на себе тяжёлый изучающий взгляд хозяина и от этого чувствовал себя неудобно.

Хозяин протянул руку, поднял трубку телефона, стоявшего на маленьком столике, набрал номер и, когда ему ответили, сказал:

– Нюся, могла бы ты приехать и обед приготовить? У меня гость с юга. Заедь по пути в гастроном, купи что-нибудь, – и положил трубку.

– Приедет Нюся, сварит обед. Небось, голодный с дороги.

Он вытянул ноги, сцепил между собой пальцы рук, потянулся так, что хрустнули косточки, и спросил:

– Что тебя привело в эти края?

– Хочу увидеть места, где мой отец служил. Захаров Александр Веняминович. Был замполитом в войсковой части. Вы знали моего отца?

– Не так, чтобы очень хорошо, – после минутного раздумья ответил хозяин. – Я был начальником лагеря. А лагерей тогда здесь было хоть пруд пруди.

– Кто сидел в вашем лагере?

– В основном военнопленные. Враги народа тоже были. Их амнистировали после смерти Сталина. Когда немцев стали отправлять на родину, уголовники пошли. Мой лагерь пустым не был, – засмеялся хозяин. – Вот, твою мать хорошо помню. Она работала в библиотеке в райцентре. Хорошая баба. Жива она еще?

– Да. Отец только умер в мае.

– Ладно, ты посиди. Пойду собаку накормлю. Приедет Нюся, приготовит обед, поговорим потом.

Хозяин вышел из зала.

Кто такая Нюся, Степан так и не понял. Он поднялся с кресла и подошёл к шкафу, где за стеклом в рамках стояло несколько фотографий. На каждой фотографии обязательно присутствовал хозяин дома и всегда в военной форме. На одной он был молод, и военная форма была ещё без погон, два маленьких ромбика чуть заметно блестели на острых концах воротника. Одна семейная фотография, на которой кроме военного были сняты симпатичная женщина, маленькая девочка с огромными бантами на голове и мальчик лет десяти. На последней фотографии хозяин был снят в форме внутренних войск, на погонах красовались по две большие звёздочки и на груди светились ордена и медали.

За фотографиями стояли книги. Новый трёхтомник Лермонтова, несколько книг из серий «Библиотека приключений» и «Пламенные революционеры» и военные мемуары. Книг на военную тему было больше, и они были сильно зачитаны. Видимо, хозяин часто перечитывал всё, что касалось давно прошедшей войны.

Степан вернулся к креслу, сел и стал прислушиваться к звукам, идущим с улицы. Где-то лаяла собака. По железной дороге прошёл состав. Дробный стук колёс напоминал автоматную очередь. Дребезжало стекло в окне, но когда состав прошёл, дребезжание прекратилось и через открытую форточку комнату снова стали заполнять различные звуки. Закукарекал петух, скандально зачирикали воробьи, хрустнула задетая кем-то ветка, заплакал ребёнок, и ласково забубнил чей-то голос, кто-то включил магнитофон, прибавил звук и тут же выключил его, три раза пробили часы. От этих домашних, спокойных звуков, тепла и усталости Степан начал дремать, но испуганно проснулся от резкого и протяжного скрипа двери. Кто-то прошёл по коридору на кухню. Он в полудреме перевёл глаза на дверь, ведущую в коридор, и стал ждать. Вставать ему не хотелось, и было даже неприятно, что кто-то мешает наслаждаться покоем. Простучали каблук по коридору, дверь в зал открылась, и вошла высокая, чуть полноватая женщина лет сорока. Черные пышные волосы были аккуратно подрезаны и закрывали только половину белой шеи. Круглое лицо было бледным, и большие чёрные глаза, оттенённые бледностью лица и ярко-красной помадой губ, смотрелись выразительно и притягивающе. Однотонное серое платье плотно облегалo её тело, подчеркивая талию, чуть увеличенные бедра и наполненную грудь. Она подошла к Степану и протянула руку.

– Здравствуйте. Я Нюся, – голос её был мягким и приятно вибрировал.

– Степан, – ответил он, поднимаясь с кресла.

– Сидите, сидите. Я пойду на кухню готовить обед. А где Иван Иванович?

– Он вышел собаку кормить.

– Наверное, опять с цыплятами возится. Завёл себе карликовых курей и часами из курятника не выходит. Хуже ребёнка стал. Включите телевизор.

Она улыбнулась, поправила волосы на голове и вышла. После неё остался приятный запах незнакомых духов и чувство близости симпатичной и нежной женщины.

Телевизор он включать не стал. Остался расслабленно сидеть в кресле, пытаясь опять задремать. Через прикрытую дверь слышалась возня на кухне. Звуки, доносившиеся оттуда, иногда перебивались звуками, входившими в комнату через открытую форточку, и мозг от этого начинал напряженно работать, стараясь определить, кому или чему принадлежит тот или иной звук. Вот звякнула цепь – это собака поменяла место, вот стукнула крышка кастрюли, вот шлепающие звуки домашних тапочек, а это дятел где-то застучал в дерево. Ему было приятно сидеть вот так расслабленно, никуда не торопиться, ни о чём не думать. Просто наслаждаться покоем, и теплом солнечного дня, и звуками деревенской улицы. Он, наверное, опять задремал, потому что когда пробили часы на стене, стрелки уже показывали четыре часа. «Интересно, где хозяин? – подумал Степан. – Что готовит на обед Нюся?» Он почувствовал голод, и с чувством голода исчезло состояние покоя, на душе снова становилось тревожно и неудобно.

На улице затопали шаги, кто-то прошёл по крыльцу, заскрипела дверь. Грубым голосом заговорил мужчина, и что-то начал выговаривать женский голос. Иван Иванович вошёл в зал.

– Пойдём обедать, – сказал он.

Глаза его блестели. В руках он держал две бутылки, заткнутые бумажными пробками. Появившаяся в дверях Нюся упрекающе спросила:

– Ещё раз спрашиваю, где вы были.

– Нюся, я к Свищихе бегал. Вот, самогонкой у неё разжился. Гость всё-таки в доме.

– Сами уже успели причаститься?!

– Так надо же было попробовать. Только выгнала. Ещё тёплая самогонка. Ты же знаешь, сейчас из-за Указа водку не купишь. Спасибо, хоть Свищиха выручает.

– Хорошая выручалка. Все алкоголики пасутся у неё. Деньги гребёт лопатой. Куда милиция смотрит.

– Милиция тоже не в обиде. Свою долю получает, – засмеялся хозяин. – Ну, пошли, посидим.

В кухне на плите парила кастрюля с борщом. На столе в тарелочках лежали несколько разогретых котлет, солёные огурцы, квашеная капуста и нарезанный крупными кусками хлеб. Нюся разлила борщ по глубоким тарелкам, открыла баночку сметаны и сама присела к столу. Хозяин разлил самогон по трём стаканам.

– С богом, за приезд, – и опрокинул содержимое стакана в рот.

Степану не хотелось пить самогон. Вспомнилось, как в стройотряде сокурсники разжились где-то самогоном и он впервые попробовал его. Удовольствия не получил. В памяти навсегда остался вонючий запах сивухи. Дома же всегда в баре стояли водка, коньяк и хорошее вино. И сейчас, после Указа, оставалось ещё кое-что из прежних запасов.

– Пей, – сказал хозяин, – другого не будет. В магазинах сейчас не то что водки, одеколona и денатурата не осталось.

Пересиливая себя и чтобы не обидеть хозяина, Степан выпил содержимое стакана. Самогон был крепким и обжёг всё внутри. Захаров зацепил вилкой огурец и стал зажёвывать неприятный привкус самогона. Борщ был вкусным. Кусок отваренной говядины лежал на медном подносе. Нюся, которая тоже выпила самогон, разделила мясо на три равных части и разложила своей вилкой по тарелкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.